
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

HISTORICAL-LEGAL AND FOREIGN EXPERIENCE OF COUNTERACTING CRIME

Научная статья

УДК 343.1

EDN ZTDBKU

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).540-548

УГОЛОВНО-ТРИБУНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УРОКИ ИСТОРИИ

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
17 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать
26 ноября 2024 г.

Дата онлайн-размещения
6 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Великая французская революция;
Высокий национальный суд;
Народный трибунал; революционные
трибуналы; сентябрьские убийства;
суверенные народные трибуналы

Аннотация. Настоящая статья продолжает цикл научных публикаций автора, направленных на исследование исторических предпосылок, повлиявших на современные формы и методы антикриминальной политики в России и за рубежом. Статья посвящена историко-правовому анализу уголовно-трибунальной политики, проводимой в период Великой французской революции и сводящейся к учреждению и функционированию чрезвычайных судов (трибуналов), призванных обеспечивать возможность реализации уголовной и квазиуголовной репрессии, а также добиваться предупредительного антикриминального эффекта в условиях раскола французского общества и формирования новой буржуазной государственности. Рассматриваются обстоятельства возникновения французской революционно-трибунальной юстиции, в частности учреждения Высокого национального суда. Анализируются предпосылки, образования Народного трибунала. Исследуются причины, предопределившие появление суверенных народных трибуналов, формы и методы их работы. И, наконец, рассматриваются условия организации и деятельности Революционного трибунала.

Формулируется вывод, что проводимая в годы Великой французской революции уголовно-трибунальная политика являлась закономерным явлением, предопределенным необходимостью обеспечения революционного правопорядка и профилактики контрреволюционных деяний в условиях ликвидации абсолютной монархии и перехода к республиканским формам государственного устройства, т.е. теми же обстоятельствами, которыми детерминировались любые подобные меры, предпринимавшиеся во многих других ввергнутых в революционный хаос государствах, в том числе в Советской России в 1917–1922 гг. Утверждается, что все эти трибуналы являлись типичными чрезвычайными судами, в целом призванными рассматривать и разрешать уголовные и квазиуголовные дела о деяниях контрреволюционной направленности. Констатируется, что они отличались от «традиционных» судебных органов принципами организации и построения, а также формами и механизмами реализации предоставленных юрисдикционных полномочий.

Original article

CRIMINAL TRIBUNAL POLICY DURING THE GREAT FRENCH REVOLUTION: THE LESSONS OF HISTORY

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2024 September 17

Accepted
2024 November 26

Available online
2024 December 6

Abstract. This article continues a series of publications by the author that examine the historical background of modern forms and methods of anti-criminal policy in Russia and abroad. It contains a historical-legal analysis of the criminal tribunal policy during the French Revolution, namely, the establishment and functioning of emergency courts (tribunals) that provided the possibility of carrying out criminal and quasi-criminal repressions, and had a preventive anti-criminal effect in the situation when the French society was divided and a new bourgeois statehood was emerging.

Keywords

Great French Revolution; High National Court; People's Tribunal; revolutionary tribunals; September massacres; sovereign people's tribunals

The author examines the circumstances in which the French revolutionary-tribunal justice was formed, in particular, the establishment of the High National Court. The prerequisites of forming the National Tribunal are analyzed. The causes predetermining the appearance of sovereign people's tribunals, their forms and work methods are studied. Finally, the conditions for the organization and functioning of the Revolutionary Tribunal are researched.

The author concludes that the criminal-tribunal policy carried out during the French revolution was a logical phenomenon predetermined by the necessity to ensure revolutionary legal order and to prevent counter-revolutionary actions during the abolition of absolute monarchy and the transition to the republican forms of statehood, i.e. by the same circumstances that determined all suchlike measures undertaken in many other states plunged into the chaos of revolutions, including the Soviet Russia in 1917–1922. The author claims that all such tribunals were typical emergency courts which considered and resolved criminal and quasi-criminal cases regarding counter-revolutionary actions. It is stated that they differed from “traditional” court bodies by the principles of their organization and structure, as well as the forms and mechanisms of exercising their jurisdictional powers.

Введение

Некоторое время тому назад на строгий суд юридической общественности были представлены результаты проведенного автором настоящей статьи совместно с профессором О.П. Грибуновым исследования, направленного на рассмотрение и должное осмысление так называемой уголовно-трибунальной политики, осуществляемой в первые месяцы и годы советской власти посредством учреждения и функционирования различных революционных трибуналов [1]. В частности, были проанализированы причины, предопределившие возникновение революционных трибуналов, принципы их организации, условия и порядок их работы, а также категории находящихся в их ведении уголовных и квазиуголовных дел. На этом основании были даны соответствующие историко-правовые оценки. Создание чрезвычайных органов правосудия было признано вполне закономерной мерой, предпринятой в складывающихся на тот момент достаточно непростых условиях послереволюционного хаоса и самых первых попыток формирования принципиально новых институтов раннесоветской государственности.

Однако чрезвычайные суды вовсе не являлись изобретением советской власти. Ранее сходная по смыслу уголовно-трибунальная политика проводилась и в других, ввергнутых в революционные катаклизмы, государствах Европы. В этой связи весьма интересным представляется опыт создания и работы органов французской трибунальной юстиции, действовавших во время Великой французской революции. Рассмотрению этих вопросов и посвящается настоящая статья.

Возникновение французской революционно-трибунальной юстиции

Будучи направленной на упразднение феодальных принципов организации и жизнедеятельности общества, ликвидацию абсолютизма и монархии, Великая французская революция обусловила пересмотр многих использовавшихся прежде подходов к целому ряду форм и методов государственного управления. В том числе кардинальным изменениям подверглась и существовавшая ранее система судостроительства и судопроизводства, включая сугубо розыскные (инквизиционные) механизмы уголовной юстиции, установленные известным Уголовным ордонансом Людовика XIV 1670 г. Принятая Национальным учредительным собранием французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашала запрет на обвинение, задержание или арест любого индивида за исключением строго установленных случаев, требующих обязательного использования предусмотренных законом процедур (ст. 7 Декларации), а также презумпцию невиновности всякого лица до его официального объявления виновным (ст. 9 Декларации). В этой связи тем же Учредительным собранием был принят ряд декретов, существенно изменивших прежнюю организацию и прежний порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел. В частности, декретом от 30 апреля 1790 г. основной формой уголовного суда провозглашался суд присяжных, что, по мнению известного французского правоведа Ф. Эли, являлось выражением всеобщего мнения и «санацией» публичных свобод и гражданской свободы как необходимой базой уголовной юстиции» [2, с. 11]. Причем один из инициаторов дан-

ной правотворческой инициативы и докладчик указанного вопроса в Учредительном собрании — А. Дюпор — обосновывал свои доводы положениями теории разделения властей Ш. Монтескье, а также прямо ссылался на опыт Англии как единственной до недавнего времени свободной страны в Европе [3, с. 460].

Вопрос о создании специальных уголовно-судебных органов был поставлен в Учредительном собрании в феврале 1791 г. Причем докладчик, известный юрист и политический деятель И. Ле-Шапелье, мотивировал подобную инициативу лишь потребностью в особой подсудности уголовных дел о «государственных» преступлениях (деяниях, существенно затрагивающих благо государства), а также о преступлениях, совершенных публичными должностными лицами, т.е. необходимостью рассмотрения всех этих дел коллегией, состоящей из «представителей нации». Другими словами, изначально указанные намерения были не связаны с желанием учредить чрезвычайный революционный суд, а вызваны не более чем стремлением сформировать некий специализированный судебный орган, занимающий постоянное место в системе государственной власти в полном соответствии с теорией разделения властей. В результате был учрежден так называемый Высокий национальный суд (*La Haute Cour Nationale*) в составе удвоенной коллегии присяжных заседателей — 24 человек, подлежащих избиранию нацией и называвшихся «высокими присяжными» [4, с. 1].

Порядок рассмотрения дел в этом суде ничем не напоминал процедуры, впоследствии присущие революционным трибуналам. Напротив, права обвиняемых по сравнению с производством в ординарных судах обеспечивались повышенными гарантиями. В частности, им предоставлялась возможность заявить немотивированный отвод удвоенному числу присяжных, тогда как обвинители располагали лишь правом заявления мотивированных отводов. Кроме того, Высокий национальный суд было решено расположить на большом удалении от Парижа — в Орлеане¹, что, по мнению иници-

¹ В этой связи необходимо обратить внимание, что при обсуждении данного вопроса высказывались и другие точки зрения. Например, М. Робеспьер, тогда еще малоизвестный член Учредительного собрания, считал, что Высокий национальный суд надлежит расположить в месте наибольшей политической активности Франции, т.е. в Париже. Он справедливо полагал, что Суду придется решать судьбы наиболее могущественных и влиятельных лиц государства. В этой связи

аторов соответствующей правотворческой инициативы, также являлось существенной гарантией непредвзятости правосудия [4, с. 2].

Высокий национальный суд явно не оправдал возложенных на него надежд и больших средств, истраченных на его содержание. В этой связи 2 сентября 1792 г. власти Орлеана обратились с ходатайством в уже существовавший в то время Конвент о переносе суда в другой город и, не дожидаясь его разрешения, отправили всех числившихся за судом арестованных в Париж. Деятельность Высокого национального суда на этом фактически прекратилась, тогда как формально суд был упразднен решением Конвента от 25 сентября того же года.

После известного парижского восстания, произошедшего 10 августа 1792 г. и приведшего к фактическому упразднению монархии, возникла потребность в создании органов, обеспечивающих защиту завоеваний революции. В этой связи уже 11 августа 1792 г. созданное несколькими месяцами ранее Законодательное собрание Франции вынесло постановление об учреждении при командовании Национальной гвардии Парижа военного суда для разбора дел офицеров и солдат королевской швейцарской гвардии, а также членов контрреволюционной организации «Рыцари кинжала», выступавшей против свержения монархии и оказавшей сопротивление восставшим.

Вместе с тем ввиду нерешительности многих депутатов Законодательного собрания, в первую очередь жирондистов, реализация указанного постановления стала затягиваться. Сдвинуть решение данного вопроса с мертвой точки удалось лишь благодаря активности представителей муниципального правления Парижа (так называемой Парижской коммуны), сообщивших Законодательному собранию о негодности народных масс и одновременно предложивших включить в компетенцию создаваемого военного суда все уголовные дела, «имеющие значение для успеха гражданской войны» [4, с. 4]. В этой связи были высказаны предложения об организации при суде обвинительных и судебных жюри в составе: 46 присяжных — от парижских районов (так называемых секций) и 48 присяжных — от департаментов. Иными словами, этот суд предполагалось превратить в некий центральный общегосударственный орган с

он предлагал разместить Суд там, где будет обеспечена возможность сильной опоры на общественное мнение, являющееся весомой гарантией против коррупции.

преобладанием в нем представителей революционного Парижа.

Эти идеи так и не получили поддержки требуемого числа депутатов. Тогда ввиду продолжавшихся настоятельных требований представителей Парижской коммуны о завершении работы по учреждению военного суда было высказано еще одно, компромиссное, предложение — о пересмотре составов жюри будущего военного суда: каждой из парижских секций предлагалось выделить всего по два присяжных — для обвинительных жюри и по два — для судебных жюри [4, с. 5].

Однако данные предложения стали предметом резкой критики со стороны якобинцев, в том числе М. Робеспьера. Прекрасно осознавая, что должности директоров обвинительных жюри и судей в силу вполне понятых причин все равно займут «далекие от народа» профессиональные юристы с «дореволюционным прошлым», т.е. чиновники старых королевских судов, они (якобинцы) усмотрели в подобных новациях возможность ухода контрреволюционеров и реакционеров от справедливого народного возмездия. Одновременно М. Робеспьером и его соратниками было высказано альтернативное предложение — об учреждении Народного трибунала (*Tribunal populaire*). А Законодательное собрание под их натиском приняло еще одно постановление, поручив особой комиссии установить состав и порядок деятельности этого чрезвычайного суда [4, с. 5–6]. Эти действия привели к очередному витку споров, дискуссий и противостояния политических сил, а также к появлению новых точек зрения. Некоторые жирондисты стали высказывать идеи о полном отказе от создания каких-либо чрезвычайных судов; другие депутаты считали правильным, прекратив уголовное преследование королевских гвардейцев, выступивших 10 августа 1792 г. на стороне Людовика XVI и прочих роялистов, вернуться к решению данного вопроса позднее и т.д.

В результате возрастания политической напряженности, непрекращающегося давления и даже угроз проведения очередного восстания со стороны представителей Парижской коммуны [5, с. 6], неожиданно поддержанных рядом представителей уже созданных обвинительных и судебных жюри, Законодательное собрание 17 августа 1792 г., наконец, приняло декрет «Об организации Трибунала для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных в течение дня 10 августа, и других преступлений, относящихся

к ним, или связанных с ними по своим обстоятельствам» [4, с. 10]. В состав Трибунала предписывалось включить: 1) семь директоров жюри для расследования дел и оформления предания суду обвиняемых обвинительным жюри; 2) два судебных состава: основной, состоящий из председателя и шести судей и запасной, состоящий из председателя и восьми запасных судей²; 3) двух комиссаров исполнительной власти; 4) двух общественных обвинителей; 5) четырех секретарей и восьми помощников секретарей. Причем выбор этих лиц (кроме комиссаров, назначаемых исполнительной властью) поручался специальной коллегии выборщиков, делегируемых парижскими секциями, — по одному от каждой секции. Одновременно говорилось об использовании в работе Трибунала тех присяжных заседателей, которые уже были избраны парижскими секциями для участия в так и не учрежденном военном суде при Национальной гвардии Парижа: 96 человек надлежало включить в состав обвинительного жюри и 96 человек — в состав судебного жюри.

В целом порядок судопроизводства в Трибунале определялся на основании общих требований, предусмотренных принятым несколькими месяцами ранее, 16 сентября 1791 г., базовым декретом «О полиции безопасности, уголовном процессе и учреждении суда присяжных», в котором достаточно детально (по крайней мере, насколько это было возможно в сложившихся условиях) устанавливались правила расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Вместе с тем декретом от 17 августа 1792 г. и изданным в дополнение к нему декретом от 19 августа 1792 г. предусматривался ряд особенностей работы Трибунала. В частности, сокращались сроки на заявление обвиняемыми ходатайств и отводов, отменялся предварительный допрос обвиняемого директором обвинительного жюри, исключалось право кассационного обжалования приговора.

За весьма непродолжительное время своего существования (с 18 августа по 29 ноября

² Судьями Трибунала в том числе были избраны М. Робеспьер и Ж.-Б. Коффиналь-Дюбай, ставший в последующем заместителем председателя Революционного трибунала. Правда, М. Робеспьер отказался от должности судьи, ссылаясь на то, что не может судить людей, которых он не избличал, и что должность судьи несовместима с его положением правителя Парижской коммуны. В числе директоров жюри оказался А. Фулье-Тенвиль, впоследствии знаменитый общественный обвинитель Революционного трибунала.

1792 г.) Трибуналом были рассмотрены дела в отношении 61 человека. Кстати, невзирая на особое предназначение данного судебного органа, примерно половине из указанных лиц инкриминировались совершенно обычные преступления. Таковым, например, стало дело каменщика Гросжана, обвинявшегося в краже рубашки у кавалерийского бригадира (в итоге обвиняемый был оправдан при условии, что он останется в тюрьме, пока не возвратит похищенную вещь) [6, с. 225]. По мнению С.А. Голунского, подобные обстоятельства можно объяснить неопытностью наспех избранных директоров «следственных» жюри, отсутствием у них собственных розыскных и следственных аппаратов, а также саботажем привлеченных к работе Трибунала прежних королевских чиновников [6, с. 225–226]. Хотя при этом нельзя не обратить внимание на относительную гуманность решений Трибунала, по крайней мере в сравнении с многими иными чрезвычайными судебными органами, действующими в сходных социально-политических условиях. По данным известного французского правоведа Ш. Берри-Сен-При, только 20 человек, т.е. чуть менее трети всех подсудимых, были приговорены к смертной казни, еще 26 — к другим видам наказания, тогда как 15 человек, т.е. почти четверть подсудимых, оправданы [5, с. 13]. Вполне сопоставимые сведения можно встретить и в публикациях немецкого специалиста по истории Великой французской революции А. Бюхнера. Автор насчитал 25 человек, приговоренных к смертной казни, 17 — к иным наказаниям и 20 оправданных (по сведениям ученого, Трибунал рассмотрел дела в отношении 62 подсудимых) [4, с. 22].

Тем не менее 26 октября 1792 г. один из членов уже образованного на тот момент Конвента (сведения о его имени не сохранились), назвал этот судебный орган «Трибуналом крови». На следующий день явившиеся в Конвент для ответа на столь резкое обвинение судьи не были допущены к даче объяснений. А 29 ноября 1792 г. Конвент по инициативе Ж. Гаран-Кулона постановил ликвидировать Трибунал с 1 декабря того же года, передав незаконченные дела на рассмотрение общих парижских судов.

Суверенные народные трибуналы

Как отмечается в публикациях по истории Великой французской революции, деятельность созданного 17 августа 1792 г. Трибунала с первых дней его существования не получила под-

держки ни народных масс в целом, ни Парижской коммуны в частности. Причиной особого недовольства стали несколько оправдательных приговоров, вынесенных в отношении активных и хорошо известных контрреволюционеров: Ж.-Б. Дюбуа (Доссонвиля) — 28 августа, А. де Монморена³ — 30 августа и др. К тому же после осады прусскими войсками Вердена возникла потенциальная опасность взятия интервентами Парижа и вероятность того, что реакционно настроенные силы будут помогать им «изнутри». Одновременно население узнало об обнаруженных в ходе штурма дворца Тюильри документах, свидетельствующих о существовании в Париже некоего проавстрийски настроенного объединения, так называемого Австрийского комитета [4, с. 18–19; 7, с. 151].

В этой связи членами Парижской коммуны фактически самовольно, без каких-либо правовых оснований был проведен ряд арестов и обысков. Вначале подобные действия получили отрицательную оценку со стороны Законодательного собрания — были признаны незаконными. Однако в дальнейшем ввиду сложной внутривластной обстановки и реальной угрозы иностранной интервенции после ряда колебаний было принято решение поддержать Парижскую коммуну в ее инициативах; с этой позицией солидаризировались и представители наиболее радикально настроенных парижских секций [8, с. 221; 9, с. 217].

В результате 2 сентября 1792 г. наблюдательным советом Парижской коммуны было издано распоряжение, фактически разрешающее и даже предписывающее «от имени народа» судить практически всех арестованных «без какого-либо различия» [7, с. 155]. В этой связи при каждой тюрьме были созданы временные чрезвычайные суды, так называемые суверенные народные трибуналы [4, с. 19], сыгравшие большую роль в известных «сентябрьских убийствах».

Каждый подобный трибунал включал фактически «взятого из толпы» председателя и 10–12 присяжных заседателей. Председателю надлежало вызывать по спискам арестованных, задавать им ряд вопросов и сообщать присяжным о причинах ареста. После этого присяжные

³ По требованию представителей народных масс было решено, вопреки закону, передать дело А. де Монморена на рассмотрение другого состава присяжных. А позднее, 2 сентября 1792 г., он стал одной из жертв «сентябрьских убийств».

должны были выносить приговор, который тут же подлежал приведению в исполнение.

Ш. Берриа-Сен-При называл участников этих трибуналов «*les égorgeurs*» — французским термином, означающим самых грубых и бесцеремонных убийц, аналогичным русскому слову «головорезы» [5, с. 11]. Сходные оценки высказывались и некоторыми другими авторами [7, с. 157]. А наибольшую известность в этом смысле приобрел суверенный народный трибунал, действующий на базе тюрьмы, расположенной в аббатстве Сен-Жермен, где, по различным оценкам, было спонтанно убито от 250 до 300 арестованных [10, с. 157–158; 11, с. 323; 12, с. 384; 13, с. 127].

Вместе с тем далеко не все представшие перед такими трибуналами лица были казнены. Некоторые, воскликнувшие «Да здравствует нация!», подлежали освобождению. Кроме того, по мнению С.А. Голунского, столь циничные народно-трибунальные расправы с представителями контрреволюционных взглядов и иными «оппонентами» стали следствием ненадлежащей работы рассмотренных выше иных существующих в тот момент органов революционного правосудия [6, с. 235].

Официальные власти предпочитали либо вообще не вмешиваться в происходящее, либо просто призывать народ к соблюдению закона и порядка. Тогда как представители Парижской коммуны, осознав всю опасность сложившейся ситуации, ограничились лишь обращением к командующему Национальной гвардией с так и не исполненными требованиями о применении силы «для разгона убийц», а также направлением в тюрьмы своих комиссаров, которым надлежало взять под охрану лиц, арестованных за долги и прочие гражданские проступки. В любом случае ввиду определенной нормализации общественно-политической и военной обстановки деятельность суверенных народных трибуналов вскоре сошла на нет.

Революционный трибунал

В начале 1793 г. ввиду очередного усиления угрозы иностранной интервенции Конвент обратился к населению Парижа с предложением о создании новой революционной армии. Такая инициатива получила должную народную поддержку, но при условии создания нового революционного трибунала — для наказания «внутренних врагов», т.е. «изменников, контрреволюционеров и нарушителей обще-

ственного спокойствия» [5, с. 15]. Аналогичные требования выдвинули и представители Парижской коммуны [4, с. 27].

Однако подготовленный под руководством Ж.-Б. Каррье и внесенный на рассмотрение Конвента соответствующий законопроект вполне ожидаемо стал предметом жарких дискуссий. В первую очередь с созданием нового чрезвычайного органа правосудия не были согласны сторонники партии жирондистов, которые усматривали в данной мере очередную попытку «попиранья всех демократических принципов и прав человека». В этой связи высказывалось предложение о восстановлении вышерассмотренного Трибунала, созданного декретом от 17 августа 1792 г., с обычной системой предания суду через обвинительное жюри и обычным порядком судопроизводства. Кроме того, заявлялось о необходимости ограничить подсудность создаваемого органа лишь Парижем и его департаментом и т.д. [14, с. 99; 15, с. 246]. Наконец, в результате бурных полемических обсуждений 9 марта 1793 г. было решено учредить Революционный трибунал⁴, призванный осуществлять правосудие в отношении всех «изменников, заговорщиков и контрреволюционеров» и установить запрет на обжалование вынесенных им приговоров в кассационном порядке [4, с. 28].

Последующие дни работы Конвента были посвящены обсуждению вопросов, связанных с организацией и порядком работы Революционного трибунала. Члены законодательного комитета предлагали включить в его состав четырех судей, назначенных Конвентом из числа судей уголовных трибуналов департаментов, и присяжных заседателей, подлежащих избранию самими департаментами. Другие депутаты настаивали на формировании коллегии присяжных исключительно из жителей Парижа; третьи, напротив, были убеждены в необходимости преобладания среди присяжных представителей «регионов». Четвертые считали более разумным, вообще отказавшись от присяжных, сформировать Революционный трибунал в составе девяти постоянных членов (судей), избираемых непосредственно Конвентом без всяких ограничений. Одновременно была высказана точка зрения об упрощенном порядке работы Революционного трибунала, исключаящем об-

⁴ Официально данный суд стал называться Революционным трибуналом несколько позже — с осени 1793 г. До этого времени он назывался просто чрезвычайным уголовным судом.

ременение деятельности судей различными формальностями и т.д.

В результате был достигнут определенный компромисс. В состав Революционного трибунала было решено включить председателя, трех его заместителей (судей), общественного обвинителя и 12 присяжных — все без исключения должны были назначаться Конвентом.

Изначально предполагалось, что исключительным правом инициировать рассмотрение Революционным трибуналом уголовных дел будет наделен только сам Конвент. Однако уже декретом от 5 апреля 1793 г. этот порядок был изменен — право возбуждения дел, арестов обвиняемых и их предания суду было предоставлено общественному обвинителю при Революционном трибунале. Хотя предание суду генерала революционной армии допускалось только с санкции Конвента, тогда как для предания суду одного из членов Конвента требовалось вынесение специального декрета. В особо серьезных случаях обвинительные акты общественного обвинителя подтверждались определениями самого Революционного трибунала (подобные определения, например, были вынесены по делам Ж.-П. Марата и бывшей королевы Марии-Антуанетты). При этом любой обвиняемый до начала рассмотрения его дела непременно подлежал предварительному допросу одним из судей, а также имел неограниченные права на выбор защитника и вызов свидетелей.

В дальнейшем, ввиду продолжающейся с переменным успехом борьбы между представителями различных политических сил революционной Франции, этот порядок работы Революционного трибунала претерпел некоторые изменения. Ряд достаточно важных дополнений был внесен принятым по предложению М. Робеспьера известным декретом от 8 брюмера II г.⁵ Например, легализованы определенные меры давления на присяжных, направленные на сокращение сроков рассмотрения дел и постановления приговоров [6, с. 250].

Еще целый ряд поправок был внесен принятым по инициативе Комитета общественного спасения декретом от 22 прериала II г. В частности, расширен перечень составов подсудных Революционному трибуналу преступлений, а в качестве единственной меры наказания за их совершение определена смертная казнь. Пол-

⁵ С 5 октября 1793 г. во Франции был официально введен новый революционный календарь, начинающий летоисчисление с 22 сентября 1792 г.

номочиями по преданию суду впредь наделялись: 1) сам Конвент; 2) Комитет общественного спасения; 3) Комитет общественной безопасности; 4) уполномоченные Конвентом народные представители; 5) общественный обвинитель Трибунала. Обвиняемые полностью лишались права на защитника, а из процедур рассмотрения дел исключались обвинительные речи и резюме председателей. Упразднены и предварительные допросы обвиняемых до начала судебного заседания.

Наряду с этим декретом устанавливался принцип абсолютной свободы оценки доказательств. Говорилось, что «доказательствами, необходимыми для осуждения врагов народа, могут быть любые материальные и моральные улики, устные или письменные, которые в естественном порядке могут обусловить согласие каждого справедливого и пытливого ума». Одновременно уточнялось, что «мерой решения дела надлежит считать лишь predeterminedенную любовью к Родине совесть присяжных, их целью — триумф республики и гибель ее врагов, а средствами уголовного судопроизводства — те простые средства, которые здоровый человеческий рассудок указывает для установления истины в предусмотренных законом формах». И в этой связи дозволялось при наличии таких доказательств не допрашивать свидетелей за исключением ряда случаев, связанных с потребностью выявления соучастников преступления или другими обстоятельствами, сопряженными с охраной общественных интересов [5, с. 70–72].

Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что ввиду всех этих новаций Революционный трибунал окончательно превратился в «машинку для штампования смертных приговоров», а процедуры рассмотрения уголовных дел — в пустые формальности. Ведь из 1 672 подсудимых, дела которых рассматривались в период с 23 прериала по 9 термидора II г., 317 человек, т.е. 19 %, были оправданы [6, с. 256–257].

Очередные реформы порядка работы Революционного трибунала были predeterminedены известным переворотом, произошедшим 9 термидора II г. Как отмечал С.А. Голунский, руководителям переворота стеснительными казались даже те сильно упрощенные формы правосудия, которые ранее были установлены декретом от 22 прериала II г. В этой связи в практике революционно-трибунальной юстиции стали применяться еще более примитивные процедуры, предполагающие объявление Конвентом

потенциальных подсудимых вне закона, удостоверение судьями по свидетельствам пары муниципальных чиновников их личностей, постановление и незамедлительное исполнение в отношении них смертных приговоров [6, с. 257–258]. Однако всего через несколько дней, 14 термидора II г., началась реставрация того порядка работы Революционного трибунала, который существовал в «доякобинский» период, т.е. до принятия декретом от 22 прериаля II г. Одновременно произошло полное обновление состава суда.

Очередной декрет, определяющий правила организации и деятельности Революционного трибунала, был принят 8 нивоза III г. Этим декретом в том числе вновь устанавливался обязательный предварительный допрос обвиняемых, а также предусматривалась обязанность вручения им копий обвинительных актов; достаточно много внимания уделялось изложению требований к форме и содержанию обвинительных актов и т.д. Вместе с тем полномочия по преданию суду были сохранены за Комитетом общественной безопасности и за общественным обвинителем, а для привилегированных лиц — за самим Конвентом. Правда, позднее декретом от 5 плювиоза III г. было установлено достаточно существенное ограничение — запрет на предание кого-либо суду без предварительной санкции Комитета общественной безопасности. А еще через некоторое время, 9 вантоза III г., была легализована используемая до этого в неофициальном порядке практика предания суду «в середине процесса»: Революционному трибуналу стало дозволено возбуждать уголовные преследования в отношении новых лиц по уголовным делам, уже находившимся в его производстве.

В общей сложности Революционный трибунал проработал более двух лет и был упразднен лишь 12 прериаля III г. (31 мая 1795 г.).

Выводы

На основании изложенного можно сделать вывод, что проводимая в годы Великой фран-

цузской революции уголовно-трибунальная политика являлась вполне закономерным явлением, предопределенным первыми попытками формирования новой буржуазно-республиканской государственности, т.е. теми же обстоятельствами, которыми детерминировались любые подобные меры, предпринимавшиеся во многих других ввергнутых в революционный хаос государствах, в том числе в Советской России в 1917–1922 гг.

Учрежденные в революционной Франции органы трибунальной юстиции (революционные трибуналы) были типичными чрезвычайными судами, призванными рассматривать и разрешать уголовные и квазиуголовные дела о деяниях контрреволюционной направленности. Они отличались от «традиционных» судебных органов принципами организации и построения, а также формами и механизмами реализации предоставленных юрисдикционных полномочий. Причем никакой доктринальной основы деятельности всех этих органов не существовало, и ввиду экстренности и поспешности их учреждения, целого ряда других присущих любой революции факторов существовать не могло.

Вместе с тем окончание Великой французской революции и постепенный переход к более стабильным формам существования и развития буржуазного общества и государства обусловили необходимость в существенных изменениях всей системы уголовной юстиции и во введении нового на тот момент порядка уголовного судопроизводства, что вызвало потребность в ликвидации уже сыгравших свою роль революционных трибуналов, передаче их полномочий «одинарным» органам юстиции, в использовании единообразных к правоприменительной практике расследования и судебного разбирательства любых уголовных дел. Эти задачи постепенно начали решаться в годы Директории, а окончательно были разрешены во время известных наполеоновских реформ французской правовой системы, проведенных в начале XIX в., после провозглашения Первой империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибунов О.П. Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) / О.П. Грибунов, С.Б. Россинский. — DOI 10.55001/2312-3184.2022.48.61.002. — EDN XKFAPA // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 4 (103). — С. 22–32.
2. Hélie F. Traité de L'instruction Criminelle ou Théorie du Code D'instruction Criminelle / F. Hélie. — Paris : C. Hingray, 1855. — Vol. VI. — 678 p.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — Санкт-Петербург : Альфа, 1995. — 846 с.

4. Buchner A. Die Französische Revolution Tribunale und des Geschworenengericht / A. Buchner. — Berlin : Deutscher Klassiker Verlag, 1854. — 237 S.
5. Berriat-Saint-Prix Ch. La Justice Revolutionnaire / Ch. Berriat-Saint-Prix. — Paris : Cosse et Marchal, 1861. — 260 p.
6. Голунский С.А. Процессуальные условия и порядок привлечения к уголовной ответственности и предания суду : дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Голунский. — Москва, 1938. — 676 с.
7. Олар Ф.А. Великая французская революция. Внутренняя история / Ф.А. Олар. — 2-е изд. — Москва : Рус. библиогр. ин-т братьев А. и И. Гранат, 1906. — 248 с.
8. Матьез А. Французская революция / пер. с фр. С. Лосева. — Москва : Моск. рабочий, 1929. — Т. 2. — 204 с.
9. Ревуненков В.Г. История Французской революции / В.Г. Ревуненков. — Санкт-Петербург : Сев.-Зап. акад. гос. службы, 2003. — 775 с.
10. Ламартин А. Жирондисты : в 4 т. / А. Ламартин. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Экспедиц.-комисс. дело, 1911. — Т. 2. — 405 с.
11. Молчанов Н.Н. Монтаньяры / Н.Н. Молчанов. — Москва : Молодая гвардия, 1989. — 557 с.
12. Карлейль Т. Французская революция. История / Т. Карлейль. — Москва : Мысль, 1991. — Ч. 1. — 575 с.
13. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции / Ж. Ленотр. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 335 с.
14. Манфред А.З. О природе якобинской власти / А.З. Манфред. — EDN TSPGLF // Вопросы истории. — 1969. — № 5. — С. 92–107.
15. Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794 / П. Генифе. — Москва : УРСС, 2003. — 319 с. — EDN QOSTNT.

REFERENCES

1. Gribunov O.P., Rossinskii S.B. Tribunal Justice in the First Years of Soviet Power (1917–1922). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2022, no. 4, pp. 22–32. (In Russian). EDN: XKFAPA. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.48.61.002.
2. Hélie F. *Traité de l'instruction Criminelle ou Théorie du Code D'instruction Criminelle*. Paris, C. Hingray, 1855. Vol. VI. 678 p.
3. Chel'tsov-Bebutov M.A. A Course of Soviet Criminal Procedure Law. Essays on the History of Court and Criminal Process in Slave-Owing, Feudal and Bourgeois States. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1995. 846 p.
4. Buchner A. *Die Französische Revolution Tribunale und des Geschworenengericht*. Berlin, Deutscher Klassiker Verlag, 1854. 237 S.
5. Berriat-Saint-Prix Ch. *La Justice Revolutionnaire*. Paris, Cosse et Marchal, 1861. 260 p.
6. Golunskii S.A. *The Procedural Conditions and the Prosecution and Committal Proceedings*. Doct. Diss. Moscow, 1938. 676 p.
7. Aulard A. The French Revolution: a Political History 1789–1804. In Alison A. *Revolution in 1789 to the Restoration of the Bourbons in 1815 Index*. (Russ. ed.: Olar F.A. *The French Revolution: a Political History*. 2nd ed. Moscow, Russkii Bibliograficheskii Institut Brat'ev A. i I. Granat Publ., 1906. 248 p.).
8. Mathiez A. *The French Revolution*. First pub., 1924. 510 p. (Russ. ed.: Mathiez A. *The French Revolution*. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1929. Vol. 2. 204 p.).
9. Revunenkov V.G. *The History of the French Revolution*. Saint Petersburg, North-west Academy of Public Administration Publ., 2003. 775 p.
10. Lamartine A. *History of the Girondists, or, Personal Memoirs of the Patriots of the French Revolution: From Unpublished Sources*. Harper, Brothers, 1849. Vol. 1. (Russ. ed.: Lamartin A. *The Girondists*. 2nd ed. Saint Petersburg, Ekhspeditionno-Komissionoe Delo Publ., 1911. Vol. 2. 405 p.).
11. Molchanov N.N. *The Montagnards*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1989. 557 p.
12. Carlyle T. *The French Revolution: A History*. London, 1903. (Russ. ed.: Carlyle T. *The French Revolution: A History*. Moscow, Mysl, 1991. Iss. 1. 575 p.).
13. Lenotre G. *Paris Révolutionnaire*. Firmin-Didot, 1895. 420 p. (Russ. ed.: Lenotre G. *Daily Life of Paris during the French Revolution*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 335 p.).
14. Manfred A.Z. *On the Nature of Jacobin Power*. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1969, no. 5, pp. 92–107. (In Russian). EDN: TSPGLF.
15. Gueniffey P. La Politique de la Terreur. Essai sur la Violence Révolutionnaire (1789-1794). Paris, Fayard, 2000. 376 p. (Russ. ed.: Genife P. *The Policy of Revolutionary Terror*. Moscow, URSS Publ., 2003. 319 p.). EDN: QOSTNT.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinskiy, Sergey B. — Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Россинский С.Б. Уголовно-трибунальная политика во время Великой французской революции: уроки истории / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).540-548. — EDN ZTDBKU // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 5. — С. 540–548.

FOR CITATION

Rossinskiy S.B. Criminal Tribunal Policy During the Great French Revolution: The Lessons of History. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 540–548. (In Russian). EDN: ZTDBKU. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(5).540-548.